

В.В. Белоликов

**Историко-критический обзор
существующих мнений о
происхождении, сущности и
значении русского раскола
старообрядчества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В11

В11 **В.В. Белоликов**
Историко-критический обзор существующих мнений о происхождении,
сущности и значении русского раскола старообрядчества / В.В. Белоликов –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 54 с.

ISBN 978-5-458-55849-5

ISBN 978-5-458-55849-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Указанные нами вопросы рѣшались очень многіе, и рѣшались весьма различно. Последнее зависѣло отъ многихъ причинъ. За рѣшеніе вопроса часто брались люди, совершенно неподготовленные, или мало знающіе дѣло, или не владѣющіе въ достаточной степени потребными матеріалами. Последний недостатокъ можетъ быть признанъ общимъ недостаткомъ изслѣдователей прежняго времени, времени начала научной разработки исторіи раскола, когда изслѣдователямъ, часто по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, были недоступны матеріалы, на которыхъ должно было базироваться рѣшеніе вопроса и которые стали достояніемъ нашихъ дней. Естественнымъ плодомъ этого являлась *односторонность* сужденій о расколѣ. Изслѣдователь обращалъ вниманіе на одну какую нибудь сторону вопроса, мало касаясь, а иногда и совсѣмъ не касаясь другихъ, и на основаніи изслѣдованія одной только стороны, дѣлалъ поспѣшное заключеніе, охватывающее всю сложность вопроса. Съ изданіемъ и распространеніемъ матеріаловъ по исторіи раскола, съ разработкой нѣкоторыхъ деталей вопроса, остается меньше мѣста для недостатковъ подобнаго рода.

Но это не единственный недостатокъ научныхъ изслѣдованій по исторіи раскола. Не малое число историческихъ трудовъ страдаетъ, въ большей или меньшей степени, *отсутствіемъ объективности* изслѣдованія. Этому способствуетъ, или точнѣе сказать, это обусловливается тѣмъ, что изслѣдователи приступаютъ къ рѣшенію извѣстныхъ вопросовъ съ *тенденціозными предпосылками*, лучами изъ конкъ и стараются освѣтить имѣющіеся у нихъ подъ руками матеріалы. Трудно съ точностью, какъ общее правило установить, по какимъ побужденіямъ они дѣлаютъ это: по безкорыстнымъ ли, вытекающимъ изъ общаго характера ихъ міровоззрѣнія, или по побужденіямъ болѣе низкаго свойства. Какъ бы то ни было, но въ то время, какъ одни изслѣдователи изображаютъ расколъ слишкомъ мрачными красками, другіе, напротивъ,

идеализируютъ его, возводятъ на пьедесталь мученичества, обрисовываютъ расколъ съ самой лучшей стороны, какъ носителя всего свѣтлаго, чистаго, трати на это дешевый и часто безпринципный либерализмъ. Для этого допускается тенденціозное освѣщеніе матеріала, тенденціозный выборъ его и тенденціозная постановка вопроса. Отсюда слишкомъ раннія и смѣлыя обобщенія, частое смѣшеніе существеннаго съ второстепеннымъ и даже ничего не значущимъ, съ возведеніемъ этого послѣдняго на мѣсто первостепеннаго, смѣшеніе раскола съ сектанствомъ и перенесеніе многихъ чертъ съ послѣдняго на первый съ цѣлю представить расколъ въ иномъ свѣтѣ.

Но не смотря на все вышесказанное, въ каждомъ изъ разнообразныхъ мнѣній можно найти крупинцы положительной цѣнности, и изъ такихъ крупинцъ составить цѣльное представление о расколѣ.

Самое раннее и въ то же время самое живучее мнѣніе о происхожденіи раскола было высказано Епифаніемъ Славинецкимъ. Взглядъ его, какъ чловѣка, близко стоящаго къ водвороту событій, можетъ быть, даже задѣтаго послѣднимъ, долгое время держался въ нашей наукѣ, да и до сихъ поръ не потерялъ еще своего значенія, что можетъ служить яснымъ доказательствомъ вѣрности пониманія указаннымъ ученымъ духа старообрядчества; хотя взглядъ Епифанія и нуждается въ значительномъ дополненіи и разъясненіи, такъ какъ, съ одной стороны, формулировка его не отличается ясностью и опредѣленностью, а съ другой—Славинецкимъ указаны самыя общія основанія отдѣленія старообрядцевъ отъ Православной Церкви. „Сии—говоритъ Епифаній о первыхъ расколоучителяхъ: „темнымъ умовредныя *ненависти* и *дебелаго невѣдѣнія* мракомъ душевредитѣ омрачившеса и мысленныя очеса своя; во еже на свѣтлую исправленій лучю не вѣрты, смѣживше, на первопрестольнаго священноначальника... злокозвенныя роитати держаютъ“. „Нѣція“, говоритъ онъ въ другомъ

мѣстѣ: „или умовредною *завистию* воздвижеши, или дебелымъ *невѣжествомъ* помрачени, въ пагубную роптанія злобу устремляются“¹⁾. Итакъ, ненависть къ Никону и невѣжество—вотъ причины происхожденія русскаго раскола. Мы вѣримъ опытному наблюденію Славинецкаго, хотя и не имѣемъ возможности оцѣнить его взглядъ съ точки зрѣнія постоянной критики, такъ какъ онъ не представляетъ никакихъ разъясненій, никакихъ аргументовъ.

Точно также отзываются о расколѣ Симеонъ Полоцкій, патр. Іоакимъ и св. Димитрій Ростовскій. Первый называетъ расколъ „слѣпотою“, „безуміемъ“, представляетъ его какъ результатъ крайняго упорства относительно неважныхъ предметовъ, простирающагося до „вражды“, „злобы“ и „клеветы безстудныя“. Іоакимъ въ своемъ „Увѣтѣ“ называетъ раскольниковъ людьми безумными, невѣжественными, „не знающими не токмо грамматикъ, но и азбукъ“, которые никогда не могутъ „прійти въ разумъ истинный, „потому что „нѣсть въ нихъ истины и тѣма непокорства и злобы ослѣпи имъ очи“. Св. Димитрій Ростовскій называетъ раскольниковъ „невѣжами“, людьми, какъ бы „лишенными здраваго ума“, которые съ невѣжествомъ соединяютъ самое грубое упорство²⁾.

На протяжении всего XVIII в. и первой половины XIX это мнѣніе, высказанное Славинецкимъ, и подтвержденное только что перечисленными писателями, было не только господствующимъ, но и единственнымъ, если, конечно, не считаться съ мнѣніемъ Критона у Кантемира:

„Расколы и ереси науки суть дѣти.

Больше врутъ тѣ, кому далось больше разумѣти“³⁾, и съ слишкомъ поверхностными взглядами свѣтскихъ истори-

¹⁾ Привед. въ „Исторія русскаго раскола“ Макарія. 164 стр. примѣч. 292.

²⁾ Свидѣтельство изъ „Жезла“ Полоцкаго, „Увѣта“ Іоакима и „Розыска“ св. Димитрія приведены у Лысогорскаго: „Платонъ Левшинъ, атакъ противорасколя. дѣятель“. стр. 28—29.

³⁾ „Къ уму своему“ Кантемира.

ковъ начала XIX в. (Голикова, Арцибашева, Верха), которые всю вину сваливали на Никона, обнаруживая при этомъ крайнюю односторонность и даже тенденціозность.

Мы остановимся на трехъ выдающихся выразителяхъ этого мнѣнія, изъ коихъ каждый хорошо знаетъ расколъ.

Митрополитъ Московскій Платонъ Лавинскій полагаетъ, что „расколъ основанъ на одномъ невѣжествѣ и ревности къ вѣрѣ горячеей, но не по разуму“¹⁾. Невѣжество было причиною того, что въ наши книги было внесено масса погрѣшностей. Невѣжество было причиною того, что исправленія книгъ патр. Никономъ было встрѣчено сначала недоумѣніемъ, а потомъ прямымъ протестомъ: „невѣжи, или суевѣры стали толковать, что аки бы церковь дотоли была въ заблужденіи, и что святые угодники, аки бы по тѣмъ книгамъ служба, также погрѣшали“²⁾. Правда, Платонъ указываетъ какъ на причины происхожденія раскола, или точнѣе, протеста противъ новоисправленныхъ книгъ, на побужденія матеріальнаго свойства, но они, конечно, не могли бы имѣть значенія, если бы выступали самостоятельно, внѣ связи съ невѣжествомъ.

Протоіерей Андрей Іоанновичъ Журавлевъ, первый историкъ раскола, самъ происходилъ изъ раскола. Его литературныя извѣстія о раскольникахъ отличаются вѣрностью и точностью. „Все, что удавалось ему собрать, онъ старался излагать совѣстливо, безъ увлеченія какими либо видами“³⁾.

Причинами раскола Журавлевъ считаетъ невѣжество и грубость расколоучителей, но въ опредѣленіи момента перваго обнаруженія раскола онъ заходитъ слишкомъ далеко. Възъ всякихъ доказательствъ онъ поставляетъ старообрядче-

¹⁾ „Краткая Церковная Россійская исторія“, т. II, стр. 236. М. 1805 г.

²⁾ *Ibidem.* 235.

³⁾ „Полное историческое извѣстіе о древнихъ строгольникахъ и новыхъ раскольникахъ“ А. І. Журавлева. М. 1890 г. ч. I. Въместо предисловія, стр. 3.

ство въ связь съ древнею русскою ересью стригольниковою. Почтенный историкъ зашелъ слишкомъ далеко. Вѣрнымъ въ послѣднемъ мнѣніи Журавлева можетъ быть отчасти признано то, что древне-новгородская область, гдѣ когда то имѣли успѣхъ стригольники, оказалась въ высшей степени благоприятною почвою для *утвержденія* здѣсь раскола, но играло ли какую нибудь роль въ такомъ своеобразномъ воспитаніи поморья стригольничество, сказать трудно. Вѣрнѣе предположить, что здѣсь играла роль естественныя причины, а не давно имѣвшій здѣсь силу рационализмъ стригольниковъ. Но безъ указанной крайности, взглядъ Журавлева на расколъ, какъ на суевѣріе, выраженіе невѣжества, грубости, какъ на „гниющую рану, которая ни ѣдкими строгостей пластырями, каковыя прежде употребляемы были, или мягкими милосердія средствами, какія нынѣ предлагаются, не пользуется“¹⁾—долженъ быть принятъ нами во вниманіе, хотя и нуждается въ разъясненіи и аргументаціи. Особенно цѣннымъ намъ представляется то, что Журавлевъ какъ бы предупреждаетъ неправильное пониманіе Щаповымъ смысла Соловецкаго возстанія. Для Щапова оно служитъ однимъ изъ сильныхъ аргументовъ его теоріи, между тѣмъ, по Журавлеву, возстаніе противъ царя, какъ ему удалось установить на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ, произведено „не монахами и не простыми послушниками со слугами и сторожами, а злодѣями отечества, Астраханскими разбойниками, Стенькиными сообщниками“²⁾.

Итакъ, невѣжество и грубость породили расколъ. Незамѣтно въ этомъ взглядѣ проникновенія въ сущность раскольническаго движенія. Какъ Журавлевъ, такъ и другіе изслѣдователи той же школы, не попытались уяснить, почему именно Никоновское исправленіе книгъ вызвало расколъ,

¹⁾ Ibidem. 55 стр.

²⁾ Ibid. 60.

тогда какъ предыдущія исправленія обошлись благополучно, не попытался поставить раскольникское движеніе въ связь съ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ общества въ данную эпоху и съ другими факторами культурно-исторической жизни русскаго народа. А безъ проникновенія въ сущность движенія, эти изслѣдователи, на основаніи простой дедукціи, выводили заключеніе о расколѣ, какъ „естественномъ плодѣ невѣжества и суевѣрія“¹⁾, какъ выражается г. Оподкій. Ходъ разсужденій послѣдняго таковъ. Невѣжество породило нѣкоторыя ложныя мнѣнія касательно церковной обрядности, а суевѣріе санкціонировало ихъ. Но разъ ихъ затронули, возникъ расколъ, какъ „естественный плодъ невѣжества и суевѣрія“, какъ естественный выводъ изъ исторически сложившагося ряда причинъ.

До крайности взглядъ этотъ былъ доведенъ Преосв. Филаретомъ въ его „Исторіи Русской Церкви“. Извѣстно, говоритъ онъ, „что еще въ половинѣ XVI в. образовалось нѣсколько ошибочныхъ мнѣній и убѣжденій ложныхъ“. Съ теченіемъ времени, наростъ этихъ ложныхъ мнѣній „увеличился, созрѣлъ и наконецъ отпалъ самъ собою отъ здороваго тѣла Церкви“. А если такъ, если расколъ—естественное явленіе исторіи, то совершенно безразлично, „кто бы ни совершалъ въ половинѣ XVII в. основательное преобразование обрядовъ, Никонъ ли, или Іоакимъ, расколъ долженъ былъ явиться, какъ безообразно сгнившій трупъ, или плевели при вѣяніи пшеницы“²⁾ Дальше идти было некуда. Историкъ какъ будто не обращаетъ вниманія на роль патр. Никона, ничего не говоритъ о характерѣ исправленія, а его предикатъ „основательное“—исправленіе—неопредѣлененъ и безсодержателенъ. Поэтому, другіе историки начинаютъ вно-

1) „О причинахъ появленія въ русской Церкви раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества“ Оподкаго, Слб. 1861 г. 13 стр.

2) Филаретъ. Исторія русской церкви. Періодъ патріаршества. Москва 1848 г. 180 стр.

спть новые факторы въ объясненіе происхожденія раскола держась въ тоже время принципиальнаго взгляда на расколъ, какъ явленіе чисто церковно-религіозное.

Первый шагъ въ данномъ направленіи были сдѣланы Преосв. Макаріемъ въ его „Исторіи русскаго раскола“. Правда, авторъ обнаруживаетъ склонность стоять на теоріи естественнаго происхожденія раскола, когда ведетъ длинную рѣчь о зародышахъ раскола еще въ XV в., которые „раскрывались тихо и медленно, созрѣвали постепенно, пока не принесли своего горькаго плода“¹⁾, но онъ уже дѣлаетъ шагъ впередъ, выдвигая значеніе личности Никона въ исторіи происхожденія раскола. По его мнѣнію, въ невѣжествѣ первыхъ расколуучителей хотя и заключается одна изъ причинъ ихъ протеста противъ книжныхъ и обрядовыхъ исправленій, но причина не главная, а главная заключается въ *личныхъ отношеніяхъ* къ патріарху Никону. Противъ Никона возстали уволенные имъ справщики во главѣ съ Аввакумомъ. Противъ него возсталъ Павелъ, епископъ Коломенскій, за то, что Никонъ помѣшалъ осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ. „Личная ненависть къ Никону воспламеняла слѣдую ревность по вѣрѣ до религіознаго фанатизма и руководила всѣми дѣйствіями“²⁾ противниковъ Никона.

Итакъ *невѣжество и ненависть* къ Никону были причинами происхожденія раскола. Оставляя въ сторонѣ послѣднюю (ненависть), такъ какъ о ней будетъ рѣчь еще впереди, мы остановимся на первомъ. Могло ли невѣжество *само по себѣ* сыграть такую роль, что изъ-за исправленія книгъ и обрядовъ цѣлыя массы народа отторгнулись отъ православія? Невѣжество имѣло весьма важное значеніе въ дѣлѣ распро-

¹⁾ „Исторія русскаго раскола“ Преосв. Макарія. Спб. 1855 г. Предисловіе, 1 стр.

²⁾ Ibid. 163 стр.

страненія и утвержденія раскола—это несомнѣнно, но къ мнѣнію, что оно и произвело расколъ, было одной изъ *главнѣйшихъ и ближайшихъ* причинъ, едва ли не *единственной*, нужно относиться съ осторожностью. Мы остановимся на двухъ сторонахъ вопроса. Было ли вообще пресловутое невѣжество *принципіальнымъ* противникомъ исправленія книгъ и обрядовъ? Если отвѣтить утвердительно, то тогда для насъ будетъ совершенно непонятно, какимъ образомъ невѣжество не противилось исправленію книгъ въ теченіи болѣе 150 лѣтъ до Никона, почему при всеобщемъ невѣжествѣ существовало сознаніе неисправности книгъ и необходимости исправленія ихъ, существовало во времена уважаемыхъ раскольниковъ патріарховъ, и высказывалось даже тамъ, гдѣ труднѣе всего его можно было ожидать, напр. въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ только что исправленныхъ книгъ.

Если отвѣтить отрицательно, то возникаетъ новый вопросъ: почему исправленіе книгъ *именно при Никонѣ* привело къ расколу? Видь Никонъ, какъ патріархъ, палъ, какъ начальникъ печатнаго дѣла скоро сошелъ со сцены, а расколъ все такъ произошелъ; даже болѣе, тотъ же самый соборъ, который осудилъ Никона, осудилъ и расколъ, не обвинивъ Никона въ томъ, что онъ своими реформами произвелъ расколъ.

Съ другой стороны, вѣрна ли *исторически* мысль о глубокомъ невѣжествѣ до-Петровской Руси? Мысль эта, съ успѣхамъ историческихъ изысканій, подвергается все большимъ и большимъ ограниченіямъ ¹⁾. Мы остановимся лишь на характеристикѣ расколо-учителей, какую можно составить на основаніи изученія ихъ писаній и наблюденія надъ ихъ дѣятельностью. Были ли это круглыя невѣжды, какими хотѣтъ представить ихъ изслѣдователи? Всѣ они входили въ

¹⁾ Громогласовъ. „О сущности и причинахъ русскаго раскола старообрядчества“. Бог. Вѣст. 1895 г. № 4 стр. 35 прим. 1,

составъ кружка Стефана Вонифатьева. Кружокъ этотъ состоялъ изъ лучшихъ представителей городского и провинциальнаго духовенства и имѣлъ цѣлю поднятіе религиозно-нравственной жизни русскаго общества, уровень коей бытъ крайне не высокъ. Всѣ они были противниками многогласія, не смотря на то, что во главѣ защитниковъ послѣдняго стоялъ самъ патр. Іосифъ. Нѣкоторые изъ нихъ были замѣчательными проповѣдниками, возродившими живое слово. Проф. Каптеревъ говоритъ, что эти ревнители отличались „книжностью, учительностью, борьбою съ общественными пороками и недостатками“¹⁾. Конечно, ихъ ученость и образованность были очень односторонними; отсутствіе свѣжей критической мысли бросается ярко въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ ихъ сочиненіями; ихъ мозгъ придавленъ эсхатологическими чаяніями и тенденціями горделивыхъ русскихъ книжниковъ, видѣвшихъ въ Москвѣ третій Римъ, какъ это выясняетъ проф. Каптеревъ²⁾. Но при всемъ этомъ, если мы ставемъ на точку зрѣнія XVII в., то должны признать, что расколо-учители во всякомъ случаѣ не невѣжды, которые не способны разсудить здраво ни о чемъ. Достаточно указать на діакона Федора, который при всемъ своемъ преклоненіи предъ авторитетомъ буквы, допускалъ возможность порчи книгъ, порчи правды не по существу; онъ допускалъ, что отдѣльными лицами, переписчиками и справщиками книгъ могли дѣлать болѣе или менѣе значительныя ошибки, требующія исправленія³⁾. Если такъ, если ревнители старины, и на основаніи примѣровъ прошлаго и на основаніи собственныхъ разсужденій могли допускать необходимость исправленія книгъ; если они не были *принципальными* противниками исправленія, значить, причины протеста ихъ противъ Нико-

¹⁾ Проф. Н. О. Каптеревъ „Патр. Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“ т. I. 24 стр.

²⁾ *ibid.* 26—29 стр.

³⁾ Громогласовъ. Бог. Вѣстн. 1895 г. № 4. 37 стр.

новскихъ реформъ нужно искать въ другомъ, не въ самомъ *фактѣ* исправленія, а въ *характерѣ и направленіи* его.

На это и обратили вниманіе послѣдующіе изслѣдователи, хотя каждый изъ нихъ затрагивалъ какую нибудь одну сторону вопроса.

Проф. Нильскій, въ своей первой статьѣ, посвященной рѣшенію вопроса о причинахъ происхожденія раскола¹⁾, подвергнувъ критикѣ взглядъ преосв. Филарета, по которому расколъ возникъ совершенно *естественнымъ* путемъ, доказываетъ, что „какъ ни много было въ XV и XVI в. задатковъ для раскола въ будущемъ, онъ только *могъ* явиться въ XVII в. при благоприятныхъ этому условіяхъ, но *могъ* и не явиться, если бы обстоятельства этого времени были иныя, чѣмъ какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Расколъ все таки произведеніе собственно XVII в. и именно тѣхъ лицъ, при которыхъ онъ явился, и той обстановки, при которой онъ возникъ“²⁾. Что же это за лица и что за обстановка? Лица: Никонъ, по взгляду раскольническихъ писателей, расколоучители—по взгляду православныхъ изслѣдователей. То и другое, съ точки зрѣнія Нильскаго, *въ цѣломъ* неправильно, хотя въ томъ и другомъ есть доля правды. Неправы раскольники, обвинявшіе Никона въ томъ, что онъ 1) *безъ нужды* исправилъ книги и 2) при исправленіи поступалъ не только *недобросовѣстно*, но даже *зломатрено*. Первое неправильно потому, что нужда въ исправленіи была, какъ свидѣтельствуя уважаемыя раскольниками книги, напр. Кормчял. Противъ второго говорятъ высокія качества Никона, его обращеніе къ латинству, въ симпатіяхъ къ коему его обвиняютъ раскольники, и самый характеръ исправленія, когда Никонъ, при исправленіи книгъ, употреблялъ освященныя традиціею средства.

¹⁾ „Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола“. Хр. Чтеніе 1861 г. ч. I.

²⁾ Ibid. 89 стр.